

Д. Мережковский

Иисус Неизвестный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Д11

Д11 **Д. Мережковский**
Иисус Неизвестный / Д. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 480 с.

ISBN 978-5-4241-3529-3

Дмитрий Мережковский вошел в литературу как поэт и переводчик, пробовал себя как критик и драматург, огромную популярность снискали его трилогия «Христос и Антихрист», исследования «Лев Толстой и Достоевский» и «Гоголь и черт» (1906). Но всю жизнь он находился в поисках той окончательной формы, в которую можно было бы облечь собственные философские идеи. Мережковский был убежден, что Евангелие не было правильно прочитано и Иисус не был понят, что за Ветхим и Новым Заветом человечество ждет Третий Завет, Царство Духа. Он искал в мировой и русской истории, творчестве русских писателей подтверждение тому, что это новое Царство грядет, что будущее подает нынешнему свои знаки о будущем Конце и преображении. И если взглянуть на творческий путь писателя, видно, что он весь устремлен к книге «Иисус Неизвестный», должен был ею завершиться, стать той вершиной, к которой он шел долго и упорно.

ISBN 978-5-4241-3529-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© Д. Мережковский, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Том первый	5
Часть I. Неизвестное Евангелие	5
1. Был ли Христос?	5
2. Неизвестное Евангелие	30
3. Марк, Матфей, Лука	44
4. Иоанн	57
5. По ту сторону Евангелия	74
Часть II. Жизнь Иисуса Неизвестного	96
1. Как он родился.	96
2. Утаенная жизнь.	108
3. Назаретские будни	129
4. Мой час пришел.	147
5. Иоанн Креститель.	162
6. Рыба-голубь	185
7. Иисус и дьявол	207
8. Искушение	219
9. Его лицо (В истории)	234
10. Его лицо (в Евангелии)	251
Том второй	265
Часть I. Служение Господне	265
1. Кана Галилейская	265
2. Первый День Господень.	276

3. Блаженства	290
4. Царство Божие.	313
5. Освободитель.	334
6. И мир его не узнал	368
7. Пришел к своим	390
8. И свои не приняли	405
9. Кесария Филиппова	427
10. Преображение	447
Часть II. Страсти Господни	462
1. Вшествие в Иерусалим.	462
2. Бич Господень	481
3. Серый понедельник	499
4. Страшный суд	516
5. Иуда предатель	528
6. Тайная вечеря	541
7. Гефсимания.	560
8. Суд Каиафы	583
9. Суд Пилата	599
10. Распят.	624
11. Воскрес	658
12. Воистину воскрес	676

*И мир Его не узнал.
Και ὁ κόσμος αὐτόν οὐκ ἔγνω.
Ио 1,10*

ТОМ ПЕРВЫЙ

Часть I. Неизвестное Евангелие

1. Был ли Христос?

I

Странная книга: ее нельзя прочесть; сколько ни читай, все кажется, не дочитал, или что-то забыл, чего-то не понял; а перечитаешь, – опять то же; и так без конца. Как ночное небо: чем больше смотришь, тем больше звезд.

Умный и глупый, ученый и невежда, верующий и неверующий, – кто только читал эту книгу – жил ею (а иначе не прочтешь), тот с этим согласится, по крайней мере, в тайне совести; и все тотчас поймут, что речь идет здесь не об одной из человеческих книг, ни даже о единственной, Божественной, ни даже о всем Новом Завете, а только о Евангелии.

II

«О, чудо чудес, удивление бесконечное! Ничего нельзя сказать, ничего помыслить нельзя, что превзошло бы Евангелие; в мире нет ничего, с чем можно бы его сравнить».¹ Это говорит великий гностик II века,

¹ Eug. Faye, *Gnostiques et Gnosticisme*, 1925, p. 531.

Маркион, а вот что говорит средний католик-иезуит XX века: «Евангелие стоит не рядом, ни даже выше всех человеческих книг, а *вне их*: оно совсем *иной природы*».² Да, иной: книга эта отличается от всех других книг больше, чем от всех других металлов – радий, или от всех других огней – молния, как бы даже и не «Книга» вовсе, а то, для чего у нас нет имени.

III

НОВЫЙ ЗАВЕТ
Господа нашего
Иисуса Христа
В русском переводе
Санкт-Петербург, 1890

Маленькая, в 32-ю долю листа, в черном кожаном переплете, книжечка, 626 страниц, в два столбца мелкой печати. Судя по надписи пером на предзаглавном листке: «1902», она у меня, до нынешнего 1932 года, – 30 лет. Я ее читаю каждый день, и буду читать, пока видят глаза, при всех, от солнца и сердца идущих светах, в самые яркие дни и в самые темные ночи; счастливый и несчастный, больной и здоровый, верующий и неверующий, чувствующий и бесчувственный. И кажется, всегда читаю новое, неизвестное, и никогда не прочту, не узнаю до конца; только краем глаза вижу, краем сердца чувствую, а если бы совсем, – что тогда?

Надпись на переплете: «Новый Завет», стерлась так, что едва можно прочесть; золотой обрез потускнел; бумага пожелтела; кожа переплета истлела, корешок отстал, листки рассыпаются и кое-где тоже истлели, по краям истерлись, по углам свернулись в трубочку. Надо бы отдать переплести заново, да жалко и, правду скажу, даже на несколько дней расстаться с книжечкой страшно.

IV

Так же как я, человек, – зачитало ее человечество, и, может быть, так же скажет, как я: «что положить со мною в гроб? Ее. С чем я встану из гроба? С нею. Что я делал на земле? Ее читал». Это страшно много для человека и, может быть, для всего человечества, а для самой Книги – страшно мало.

² Lagrange, *Evangiles*, 1930, p. 39.

Что вы говорите Мне: «Господи! Господи!» и не делаете того, что Я говорю? (Лк. 6, 46).

И еще сильнее, страшнее, в «незаписанном», agraphon, не вошедшем в Евангелие, неизвестном слове Иисуса Неизвестного:

**Если вы со Мною одно,
и на груди Моей возлежите,
но слов Моих не исполняете,
Я отвергну вас.³**

Это значит: нельзя прочесть Евангелие, не делая того, что в нем сказано. А кто из нас делает? Вот почему это самая нечитаемая из книг, самая неизвестная.

V

Мир, как он есть, и эта Книга не могут быть вместе. Он или она: миру надо не быть тем, что он есть, или этой Книге исчезнуть из мира.

Мир проглотил ее, как здоровый глотает яд, или больной – лекарство, и борется с нею, чтобы принять ее в себя, или извергнуть навсегда. Борется двадцать веков, а последние три века – так, что и слепому видно: им вместе не быть; или этой Книге, или этому миру конец.

VI

Слепо читают люди Евангелие, потому что привычно. В лучшем случае, думаю: «Галилейская идилия, второй неудавшийся рай, божественно-прекрасная мечта земли о небе; но если исполнить ее, то все полетит к черту». Страшно думать так? Нет, привычно.

Две тысячи лет люди спят на острие ножа, спрятав его под подушку – привычку. Но «Истиной назвал Себя Господь, а не привычкой».⁴

«Темная вода» в нашем глазу, когда мы читаем Евангелие, – не-удивление – привычка. «Люди не удаляются от Евангелия на должную даль, не дают ему действовать на себя так, как будто читают его в первый раз; ищут новых ответов на старые вопросы; оцепивают комара и проглатывают верблюда».⁵ В тысячный раз прочесть, как в первый, выкинуть из глаза «темную воду» привычки, вдруг увидеть и удивиться, – вот что надо, чтобы прочесть Евангелие как следует.

³ II Epist., Clement., IV, 5 – W. Bauer, Das Leben Jesu im Zeitalter der N. T. Apokryph, 1909, S. 384.

⁴ Tertullianus ap. Ot. Pfeleiderer, Die Entstehung des Christentums, 1907, S. 247.

⁵ J. Wellhausen, Das Evangelium Johannis, 1898, S. 3.

VII

«Очень **удивлялись** учению Его», это в самом начале Иисусовой проповеди, и то же, в самом конце: «весь народ **удивлялся** Его учению» (Мк. 1, 22, 11, 18).

«**Христианство странно**», – говорит Паскаль.⁶ «Странно», необычайно, удивительно. Первый шаг к нему – удивление, и чем дальше в него, тем удивительней.

«Первую ступень к высшему познанию (гнозису) полагает ев. Матфей в удивлении... как учит и Платон: „всякого познания начало есть удивление“, – вспоминает Климент Александрийский, кажется, одно из „незаписанных слов Господних“, *agrapha*, может быть, в утерянном для нас, арамейском подлиннике Матфея:

***Ищущий да не покоится...
пока не найдет;
а найдя, удивится;
удивившись, восцарствует;
восцарствовав, упокоится.***⁷

VIII

Мытарь Закхей «искал видеть Иисуса, какой Он из Себя; но не мог за народом, потому что мал был ростом; и, забежав вперед, взлез на смоковницу» (Лк. 19, 3–6).

Мы тоже малы ростом и взлезаем на смоковницу – историю, чтобы видеть Иисуса; но не увидим, пока не услышим: «Закхей! сойди скорее, ибо сегодня Мне надобно быть у тебя в доме» (Лк. 19, 5). Только увидев Его у себя в доме, сегодня, мы увидим Его, и за две тысячи лет, в истории.

«Жизнь Иисуса», – вот чего мы ищем и не находим в Евангелии, потому что цель его иная – жизнь не Его, а наша – наше спасение, «ибо нет другого имени под небом, данного человеком, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. Ал. 4, 11, 12).

«Это написано, чтобы вы поверили, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь» (Ио. 20, 31). Только найдя свою жизнь в Евангелии, мы в нем найдем и «жизнь Иисуса». Чтобы узнать, как Он жил, надо, чтобы Он жил в том, кто хочет это узнать. «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

⁶ Pascal, Pensées, 537: «Le Christianisme est étrange».

⁷ Clement Alex., Strom. II, 9, 45; V, 14, 57 – Resch, Agrapha, S. 70.

Чтобы увидеть Его, надо услышать Его, как услышал Паскаль: «В смертной муке Моей, Я думал о тебе, капли крови Моей Я пролил за тебя».⁸ И как услышал Павел: «Он возлюбил меня и предал Себя за меня» (Гал. 2, 20). Вот самое неизвестное в Нем, Неизвестном: личное отношение Иисуса Человека к человеку, личности, – прежде чем мое к Нему, Его ко мне; вот чудо чудес, то, чем отличается от всех человеческих книг – огней земных, эта небесная молния – Евангелие.

IX

Чтобы прочесть в Евангелии «жизнь Иисуса», мало истории; надо увидеть и то, что над нею, и до нее, и после – начало мира и конец; надо решить, что над чем, – над Иисусом история, или Он над нею; и кто кем судится: Он ею, или она Им. В первом случае нельзя увидеть Его в истории; можно – только во втором. Прежде чем в истории, надо увидеть Его в себе. «Вы во Мне, и Я в вас» (Ио. 15, 3) – этому записанному слову Его отвечает «незаписанное», аграф:

***Так увидите Меня в себе,
как если кто видит себя
в воде или в зеркале.***⁹

Только подняв глаза от этого внутреннего зеркала – вечности, мы увидим Его и во времени – в истории.

X

«Был ли Иисус?» – на этот вопрос ответит не тот, для кого Он только **был**, а тот, для кого Он был, есть и будет.

Был ли Он, знают маленькие дети, но мудрецы не знают. «Кто же Ты?» – «Долго ли Тебе держать нас в недоумении?» (Ио. 8, 25; 10, 24).

Кто Он – миф или история, тень или тело? Надо быть слепым, чтобы смешать тело с тенью; но и слепому стоит только протянуть руку, пощупать, чтобы узнать, что тело не тень. Был ли Христос, в голову никому не пришло бы спрашивать, если бы уже до вопроса не помрачало рассудка желание, чтобы Христа не было.¹⁰

⁸ Pascal, Pensées, 552: «Je pensais à toi dans mon agonie, j'ai versé telles gouttes de sang pour toi».

⁹ Pseud.-Cyprian, De duobus montibus, c. 13: «ita me in vobis videte quomodo quis vestrum se videt in aquam aut in speculum».

¹⁰ Д. Мережковский, Тайна Запада. Атлантида – Европа, 1931, II, Боги Атлантиды, гл. XIII, К Иисусу Неизвестному, VIII.

В 1932 году, Он – такой же Неизвестный, такая же загадка – **«пре-рекаемое знамение»**, как в 32-м (Лк. 2, 35). Чудо Его во всемирной истории – вечное людям бельмо на глазу: лучше им отвергнуть историю, чем принять с этим чудом.

Вору надо, чтобы не было света, миру – чтобы не было Христа.

XI

«Читал, понял, осудил», – говорит Юлиан Отступник о Евангелии.¹¹ Этого еще не говорит, но уже делает наша «христианская» Европа Отступница.

Косны люди во всем, а в религии особенно. Может быть, не только страшное человеческое «тесто погибели», *massa perditionis*, «без причины рожденное множество»,¹² евангельские «плевелы», но и гложущая среди них пшеница Господня, растет все еще, как полвека назад, под двумя знаками – двумя «Жизнями Иисуса», Ренановой и Штраусовой.

Можно бы сказать о книге Ренана, что говорит Ангел Апокалипсиса: «Возьми и съешь ее; будет она горька во чреве твоём, но в устах твоих – сладка будет, как мед» (Откр. 10, 9). К меду примешивать яд, прятать иголки в хлебные шарики – в этом искусстве, кажется, Ренану нет равного.

«Иисус никогда не будет превзойден; все века засвидетельствуют, что среди сынов человеческих не было большего, чем Он». – «Покойся же в славе Твоей, благородный Начинатель, – дело Твое сделано. Божество утверждено... Не бойся, что воздвигнутое Тобою здание будет разрушено... Ты сделаешься таким краеугольным камнем человечества, что вырвать имя Твое из этого мира значило бы поколебать его до основания».¹³

Это мед, а вот и яд, или иголка в хлебном шарике: «темным гигантом» Страстей становится, мало-помалу, светлый пророк Блаженств. Начал уже на пути в Иерусалим понимать, что вся Его жизнь – роковая ошибка, а на кресте понял окончательно и «пожалел, что страдает за низкий человеческий род».¹⁴ Хуже того: Лазарь, согласившись с Марфой и Марией, лег, живой до гроб, чтобы чудом воскресения обмануть людей и «прославить» Учителя. Знал ли Тот об этом? **«Может быть»**, – любимое слово Ренана, – может быть, и знал. Здесь тончайший намек –

¹¹ L. Grandmaison, *Jesus Christ*, 1930, I, 137.

¹² II, I, Esdra, IX: «multitudo quae sine causa nata est».

¹³ Renan, *Vie de Jésus*, 1925, p. 477, 440.

¹⁴ Il se repentit de souffrir pour une race vile, Renan, 424.